

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Shmurlo, E. F.

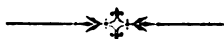
Е. ШМУРЛО.

XVI-й ВѢКЪ

и

ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лев., № 12.

1891.

TK

ДК100.
555

Изъ годоваго Отчета Училища Св. Анны за 1891 годъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го Мая 1891 г.

XVI-й ВѢКЪ

и

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Царствованію Петра Великаго издавна усвоено названіе эпохи преобразованій, времени реформаторской, подчасъ даже революціонной дѣятельности. Русское общество XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка иначе и не смотрѣло на работу перваго нашего императора. Представлялся ли царственный преобразователь «земнымъ богомъ» или, наоборотъ, «антихристомъ», — одинаково въ обоихъ случаяхъ его время понималось какъ рѣзкій рубежъ, какъ глубокая грань между старою и новою Россією. Два основныхъ направленія со всѣми ихъ отгѣнками нашли въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія определенное выраженіе въ двухъ школахъ западниковъ и славянофиловъ.

По толкованію первыхъ, преобразования Петра дали Россіи иную, и притомъ лучшую, организацію государства и общественнаго порядка, опредѣлили отношенія сословныя, внесли въ нашу жизнь новую животворную культуру и науку, ввели Россію въ общую семью европейскихъ народовъ и обезпечили ей возможность дѣятельнаго участія въ международной жизни Европы, — словомъ, опредѣлили грань между старою Россією, азіатскою, косною, невѣжественною, — и Россією новою, европейскою, дѣятельною, образованною. По мнѣнію же славянофиловъ, реформа Петра Ве-

ликаго породила одни только печальныя явленія: она внесла чуждый русскому народу духъ европейской цивилизаціи, ту *Gewalt-samkeit*, которая столь несвойственна основнымъ началамъ славянства — любви, взаимному довѣрію — а есть характерный признакъ міра германо-романскаго. Реформа, по этому воззрѣнію, была измѣною старинѣ; разрывъ же съ прадѣдовскими традиціями привелъ къ разрыву высшихъ и низшихъ классовъ, ибо первые въ своей погонѣ за европейскою образованностію стали глухи къ нуждамъ и интересамъ народной массы, чуждавшейся этого искусственнаго движенія. Къ тому же реформа исказила старую церковь, сословный строй закрѣпощеніемъ земледѣльцевъ, и вообще помѣшала нормальному развитію исконныхъ русскихъ началъ.

Взглядъ славянофиловъ, принципиально исключая точку зрѣнія западниковъ, сходилъ съ послѣдними лишь въ одномъ: оба направленія видѣли въ дѣятельности Петра переворотъ, рѣзкую перемену, разрывъ съ прошлымъ. И для тѣхъ, и для другихъ Петръ заслонялъ своей гигантскою фигурою всю старую Русь¹⁾.

Такое пониманіе событій естественно должно было отразиться и на русской исторіографіи. Дѣйствительно, мысль, что съ царствованія Петра начинается новый періодъ русской исторіи, высказываютъ едва ли не всѣ крупные историки вплоть до половины текущаго столѣтія: и Шлецеръ²⁾, и Карамзинъ, и Полевой, и Погодинъ, и Устряловъ.

Для перваго именно съ воцаренія Петра начинается эпоха *процветающей* Россіи; второй съ этого же хронологическаго пункта отличаетъ новыя «измѣненія гражданскихъ обычаевъ»³⁾;

1) Послѣдовательная смѣна воззрѣній на личность Петра Великаго и значеніе его реформы, на сколько эти воззрѣнія отразились въ русской литературѣ, — изложены въ нашей книгѣ: *Петръ Великій въ русской литературѣ (Опытъ историко-библиографическаго обзора)*. Спб. 1889.

2) Татищевъ, за близостью времени, еще не могъ дать надлежащей оцѣнки эпохи, непосредственнымъ свидѣтелемъ и даже дѣятелемъ которой отчасти онъ былъ самъ. Исторію свою Татищевъ намѣревался вести не далѣе 1613 года. (Исторія Россійская. Кн. первая, ч. I, стр. XXIII).

3) Исторія Государства Россійскаго, т. I, изд. 1818 г., предисл., стр. XXV.

по мнѣнію третьяго, то есть, Полевого, воцареніе Петра вводитъ Россію въ *европейскій* періодъ ея жизни¹⁾. Погодинъ высказывается вполнѣ опредѣленно, говоря, что «нынѣшняя Россія . . . есть произведеніе Петра Великаго . . . у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ»²⁾. Наконецъ, послѣдній изъ названныхъ историковъ, Устряловъ, держится того мнѣнія, что до Петра мы были лишены активнаго и самостоятельнаго положенія въ Европѣ, «коснѣли въ старыхъ понятіяхъ», лишены были «внутренняго стремленія къ лучшему», «самобытнаго развитія своихъ силъ, умственныхъ и промышленныхъ, яснаго сознанія необходимости образованія народа»³⁾.

Къ этой группѣ историковъ до извѣстной степени примыкаетъ и проф. Брикнеръ, видящій въ эпохѣ преобразованій одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ превращенія Россіи изъ государства азіатскаго въ европейское. «Историческое развитіе Россіи», — говоритъ названный ученый, — «впродолженіе послѣднихъ вѣковъ заключается главнымъ образомъ въ превращеніи ея изъ азіатскаго государства въ европейское. Замѣчательнѣйшею эпохою въ процессѣ европеизаціи Россіи было царствованіе Петра Великаго»⁴⁾. Также и М. Ф. Владимірскій-Будановъ — правда, только въ сферѣ права — начинаетъ съ Петра третій, императорскій, періодъ⁵⁾. За то другой историкъ-юристъ, Н. П. Загоскинъ, признаетъ эту грань не только для исторіи русскаго права въ частности, но и для русской исторіи вообще. «Съ началомъ единодержавнаго царствованія Петра I», — замѣчаетъ онъ, — «русская государственная, общественная и юридическая жизнь терпитъ коренныя преобразованія; въ эту жизнь вносятся новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ей, или по крайней

1) Исторія Русскаго народа, томъ I, предисл., стр. XLIII.

2) Петръ Великій. Москвитянинъ 1841, № 1, стр. 3.

3) Исторія царствованія Петра Великаго. Томъ I, введение, стр. XXVIII—XXIX.

4) Исторія Петра Великаго. Спб. 1882. Введение, стр. V.

5) Обзоръ исторіи русскаго права. Вып. I, стр. IV.

мѣрѣ не сознававшіяся ею начала, — начала заимствованныя изъ западно-европейской жизни»¹⁾). Наконецъ, едва ли не всѣ учебники, начиная со Строева²⁾ и кончая гг. Иловайскимъ и Рождественскимъ, именно Петромъ Великимъ дѣлятъ старую Россію отъ новой.

Съ тѣхъ поръ какъ упомянутыя школы формулировали свои воззрѣнія, прошло не мало времени; но съ ними приходится считаться и до сихъ поръ, ибо онѣ все еще не стали явленіемъ историческимъ, а продолжаютъ имѣть каждая своихъ представителей. За послѣдніе годы старая распря даже вновь ожила, благодаря полемикѣ Н. Н. Страхова съ Вл. С. Соловьевымъ, а повторительныя изданія книги Н. Я. Данилевскаго: «Россія и Европа» и перваго тома сочиненій К. С. Аксакова вмѣстѣ съ недавнимъ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго труда А. Н. Пыпина: «Исторія русской этнографіи» еще болѣе освѣжаютъ прежніе взгляды.

Правда, крайностямъ старыхъ воззрѣній нѣтъ уже болѣе мѣста; но это не мѣшаетъ поклонникамъ и антагонистамъ Петра I существенно расходиться еще по многимъ пунктамъ. Больше всего уступокъ впрочемъ сдѣлали славянофилы. Еще много раньше старое поколѣніе ихъ отъ лица Хомякова говорило, что для нихъ весь вопросъ въ томъ: былъ ли царь *полнымъ* представителемъ потребностей русскаго народа, потому что *частную* правду его дѣла они никогда не отвергали³⁾). Нынче тѣ же славянофилы, въ лицѣ Н. Я. Данилевскаго, порицаютъ только нѣкоторыя стороны преобразовательной дѣятельности Петра: безусловно вредными признаются одніе перемены въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ русскаго народа. «Просвѣщеніе . . . слѣдовало не насаждать извнѣ, а развивать изнутри. Ходъ его былъ бы медленнѣе, но за то вѣрнѣе и плодотворнѣе». Но Петръ, страстный и увлекающійся, влюбился въ Западъ и «захотѣлъ во

1) Исторія права Московскаго государства. Томъ первый, стр. 8.

2) Краткая російская исторія въ пользу Россійскаго юношества. Москва. 1814, стр. 90 (съ 1689 года).

3) Сочиненія. М. 1861. Томъ I, стр. 589.

что бы то ни стало сдѣлать Россію Европой». А потому онъ искалѣчилъ народъ свой и принесъ ему «величайшій вредъ», ибо «русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный ладъ». За то въ дѣятельности тѣсно государственной, въ созданіи учреждений и техническихъ средствъ царь заслужилъ право на вѣчную признательность потомства, на «имя Великаго, имя основателя русскаго государственнаго величія»¹⁾.

Другіе идутъ еще далѣе Данилевскаго въ признаніи заслугъ царственнаго реформатора. Горячій сторонникъ славянофильскихъ теорій автора «Россіи и Европы», К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, говоритъ: «Петръ — величайшій представитель русскаго духа: онъ вождь своего народа, и по праву рожденія, и по праву генія; онъ видитъ ясно цѣль . . . онъ знаетъ, что нужно времени . . . Если что-нибудь изъ затѣяннаго имъ и не привилось, то это по большей части что-нибудь *второстепенное* для его цѣли» . . . Петръ возвелъ «въ своей гениальной природѣ качества *народныя* до высочайшей степени . . .»²⁾. Тотъ же ученый замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что дѣло Петра было искажено при его преемникахъ, иностранцы получили незаконное преобладаніе, и съ критикой реформы «выступила, разумѣется, идеализація стараго быта». Возраженія славянофиловъ справедливы только отчасти; «мало ли сколько постороннихъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра» впоследствии³⁾. Точно также и покойный О. Э. Миллеръ, котораго никакъ уже нельзя причислить къ школѣ западниковъ, полагалъ, что правое дѣло Петра сильно исказилось послѣ его смерти, а это-то и вызвало столь неодинаковые отзывы о реформѣ въ литературѣ XVIII и XIX столѣтій⁴⁾. Очевидно эти послѣдніе воззрѣнія уже далеко

1) Россія и Европа, изд. 4-е, стр. 285—287.

2) Чему учить русская исторія. Древняя и Новая Россія 1877, № 1, стр. 20.

3) Причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1872, № 6, стр. 149—156.

4) Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому. Русская Старина 1878, т. VII, № 3, стр. 406—411.

отошли отъ представленій, напримѣръ, К. Аксакова и его единомышленниковъ.

Что касается до западниковъ, то, если судить по наиболѣе видному представителю ихъ, А. Н. Пыпину, то они гораздо цѣпче въ своихъ воззрѣнїяхъ и труднѣе расстаются съ прежнею оцѣнкою до-Петровской Руси. Они и до сихъ поръ продолжаютъ утверждать, что Московская Россія была лишена яснаго, отчетливаго самосознанія, обладая, подобно средневѣковой Европѣ, однимъ только «инстинктивнымъ» самосознаніемъ, «не доконченнымъ», полудѣтскимъ. Московская Русь не способна была «къ понятію народной *цѣльности* (курсивъ подлинника), вслѣдствіе феодальнаго или подобнаго порабощенія и безправности народныхъ массъ». «О нравственномъ правѣ» этихъ массъ «не могло быть и рѣчи». Какъ въ средніе вѣка въ Европѣ, такъ и у насъ вплоть до Петра Великаго «національность была гораздо менѣе сознаниемъ, нежели чувствомъ и инстинктомъ», при томъ проявляясь въ исключительныхъ тѣсныхъ предѣлахъ, огуломъ обозначая все западноевропейское именемъ «нѣмецкаго» или «фряжскаго». Напрасно также славянофильская школа считаетъ общественныя и государственныя формы жизни московскаго періода за самое подлинное и характерное созданіе русскаго народа. Эти формы были явленіемъ временнымъ, а, слѣдовательно, и преходящимъ. Да и «могла ли считаться такой окончательной формою та, которая правила восточнымъ деспотизмомъ и основала крѣпостное рабство народа?» Монгольское иго оставило по себѣ слишкомъ глубокой слѣдъ, порабощеніе личности было слишкомъ велико, протесты, находившіе свое выраженіе въ цѣломъ рядѣ бунтовъ XVII вѣка, слишкомъ значительны, — чтобъ все это позволяло идеализировать бытъ до-Петровской Руси и рисовать его свѣтлыми красками¹⁾.

Таковы въ главныхъ чертахъ основныя положенія двухъ знаменитыхъ школъ въ ихъ современной, позднѣйшей, стадіи развитія.

1) А. Н. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I, 6—15.

Нельзя не признать, что въ обоихъ воззрѣнiяхъ проявляется, пускай невольное, но все же большое уклоненiе отъ истины. Идеаль Данилевскаго — насаждать просвѣщенiе не извнѣ, а развивать его изнутри — вѣрный самъ по себѣ, былъ не примѣнимъ для даннаго времени. Россiя уже была слишкомъ европейскою державою, чтобы поколѣнiями выработывать то, на достиженiе или обезпеченiе чего Петръ употребилъ единицы лѣтъ. Держаться въ сторонѣ отъ международной жизни, сознательно чураться европейскаго просвѣщенiя, значило, наложить на себя руку и перейти въ разрядъ или азиатскихъ, или третъестепенныхъ европейскихъ государствъ. Никто не станетъ отрицать крайностей и увлеченiй Петра Великаго, но торопливость его дѣйствиiй не составляла личныхъ свойствъ государя, а висѣла, такъ сказать, въ воздухѣ. Перiодъ школь — а вѣдь такое значенiе имѣло для Россiи болѣе тѣсное соприкосновенiе съ Европой! — есть всегда перiодъ увлеченiй, заимствованiй. Способность въ эти годы *jugare in verba magistri* говоритъ только въ пользу ученика, доказывая его даровитость, воспрiимчивость, богато одаренную натуру. Вѣдь только для души косной и неспособной проходить безслѣдно слово учителя . . .

Переходя къ другому воззрѣнiю, разумѣется, охотно признаемъ, что формы Московскаго государства и быта были временныя, а не выражали собою исконныхъ національныхъ чертъ русскаго народа; да едва-ли теперь кто изъ славянофиловъ и станетъ серьезно поддерживать это представленiе. Точно такъ же внѣ сомнѣнiя и тотъ фактъ, что сплоченiе восточно-славянскихъ племенъ въ одно государство произошло далеко не въ такой благодушной формѣ, какъ это казалось нѣкогда славянофиламъ первой формаци. Не можемъ спорить и противъ того, что татарское владычество оставило глубокиiй отпечатокъ въ нашихъ нравахъ и формахъ государственныхъ, что въ до-Петровскую эпоху личность жила поработченною, а «цѣльность» не была еще достигнута вполне и что разрывъ между высшими и низшими классами — въ чемъ, какъ извѣстно, славянофилы постоянно упре-

каютъ людей XVIII—XIX вв. — началъ замѣтно проявляться еще и раньше: движеніе антиприказное, всѣ эти бунты казацкіе и крестьянскіе, опозитивированіе Разина въ пѣсняхъ народныхъ, — ясно говорятъ, что идеалы XVII вѣка далеко не всѣми понимались одинаково.

Но оказалась ли панацеей этому злѣ реформа Петра? Развѣ можно еще говорить о «щѣлности» въ эпоху Пугачевщины? . . . Втеченіе всего XVIII вѣка раскольники бѣгутъ въ лѣса, предають себя сожженію . . . Если въ XVII столѣтіи «народъ протестовалъ противъ насилія бѣгствомъ отъ государства на окраины въ казачество, разбойничествомъ, которое дошло до эпическихъ размѣровъ въ дѣяніяхъ Стеньки Разина»¹⁾, то и въ послѣдующемъ вѣкѣ угнетенная масса находитъ свой идеалъ въ Ванькѣ Каинѣ и въ подвигахъ на большой дорогѣ. Разбойничество — повсемѣстное зло XVIII вѣка; а вѣдь что оно такое, какъ не то же казачество, только въ формѣ, обусловленной инымъ временемъ? «Украиннѣ» больше нѣтъ; ихъ заняла сильная правительственная власть, бѣжать больше некуда, дѣйствовать сплошною массою нельзя — приходится разбрасываться по мелочамъ. Мѣры московскихъ государей, дѣйствительно, были круги; но не забудемъ, что рядомъ съ этой «восточной деспотіей» мирно уживались земскіе соборы. А. Н. Пыпинъ самъ признаетъ правленіе Петра деспотіей, и при томъ весьма суровою. Но подобную «суровость» не трудно отыскать и въ болѣе позднее время. Эпоха временщиковъ, самовластіе Меншикова, Долгорукихъ, наконецъ, Бироновщина, — едва ли все это было для народа легче, чѣмъ злоупотребленія Морозова, Плещеева, Милославскихъ и др. Въ такомъ случаѣ можно ли говорить, что въ XVIII столѣтіи существовало «нравственное право», существовала «личность»? Послѣдняя появляется никакъ не ранѣе 19-го февраля 1861 года.

Во всякомъ случаѣ «крѣпостное рабство народа» создано

1) Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I, 10.

было не строимъ Московскаго государства, а условіями чисто *опытными* ¹⁾). И ужъ если когда говорить о крѣпостномъ правѣ, то всего умѣстнѣе въ XVIII вѣкѣ, послѣ Петра, когда оно получило свой отвратительный смыслъ и содержаніе; къ этому времени — если уже непременно надо это дѣлать — скорѣе отнесемъ мы и образованіе привилегированно-феодалнаго класса, ибо боярство XVI—XVII вв. главнымъ образомъ характеризуется какъ сословіе *служилое*, опредѣляется повинностями, а не правами. Злоупотребленія высшихъ слоевъ общества въ московскій періодъ никогда не носили того отпечатка, какъ на Западѣ, ибо «завоеванія» въ смыслѣ западно-европейскомъ у насъ никогда не удастся доказать; а отсутствіе «завоеванія» обусловило и отсутствіе такой обидной розни сословной.

Очевидно, намъ до тѣхъ поръ не выбраться изъ дебрей Петровскаго вопроса, доколѣ мы не отрѣшимся разъ на всегда отъ ложнаго представленія, будто эпоха Петровская есть какая-то грань, какой-то рѣзкій рубежъ межъ старой и новой Россіею. Вотъ почему, изображая XVII и XVIII вѣка, какъ два совершенно обособленныхъ міра, мы непременно впадемъ въ противорѣчіе съ реальными фактами, будемъ ли смотрѣть глазами западниковъ или славянофиловъ. Чтобъ быть послѣдовательными, первымъ всегда приходилось отвергать въ пореформенной Россіи черты, аналогичныя съ чертами XVII вѣка, и закрывать глаза на явленія Московской жизни, однородныя съ фактами послѣдующаго времени. Совершенно одинаково поступали и славянофилы, въ обратномъ только порядкѣ. На дѣлѣ же вовсе не было такой противоположности, и худая сторона продолжала сохраняться, равно какъ и старое добро не думало изсякать послѣ

1) Это признаютъ и такіе сторонники реформы Петра, какъ Вл. С. Соловьевъ. «Главные грѣхи московской Россіи», — говоритъ онъ, — «были въ значительной степени грѣхами невольными, зависѣли отъ внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ». (Очерки изъ исторіи русскаго сознанія. Вѣстникъ Европы 1889, № 5, стр. 292). Замѣтимъ, что авторъ, по его собственному признанію, «въ большинствѣ случаевъ совершенно согласенъ» со взглядами А. Н. Пыпина на славянофиловъ (Ibidem, № 11, стр. 363, примѣчаніе).

петровскихъ преобразованій. Весь вопросъ такимъ образомъ сводится къ разницѣ не качественной, а только количественной. Последняя же — всякій признаетъ — явленіе вполне естественное и неизбежное въ нормальной жизни общественныхъ организмовъ.

Точно также и взглядъ С. М. Соловьева — въ данномъ случаѣ его раздѣляетъ и г. Пыпинъ — будто до-Петровская Русь аналогична съ средними вѣками 3. Европы¹⁾, долженъ быть признанъ не вѣрнымъ и устарѣлымъ, ибо ошибочно такъ далеко вести наше «средневѣковье»: оно окончилось одновременно съ западно-европейскимъ, то есть, въ концѣ XV, къ началу XVI вѣка; и если его черты проскальзываютъ и позже, то то же самое, въ силу естественныхъ законовъ человѣческаго развитія, видимъ мы и у своихъ сосѣдей. Развѣ «безправность» массы есть признакъ специально средневѣковой Европы? Развѣ положеніе ея во Франціи даже XVIII стол. было удовлетворительно въ правовомъ отношеніи? Не она ли возстала и сломила существующій порядокъ? Развѣ не въ Германіи въ эту же пору мелкіе владѣтельные князья торговали своими подданными и поставляли ихъ на рекрутскій рынокъ любому наборщику? Говорятъ, что до-Петровская Русь опредѣляла свое національное бытіе не единствомъ политическихъ стремленій, а религіей, противопоставляя православіе «поганой латыни» и «невѣрному басурманству»; но, вѣроятно, это не было исключительною принадлежностью русскаго народа, когда въ Западной Европѣ вплоть до конца XVII вѣка самосознаніе національное сплошь и рядомъ сливалось съ религіознымъ самоопредѣленіемъ.

Вотъ почему, если для Запада національное самосознаніе возникаетъ съ конца XV, съ начала XVI вѣка, то ничто не мѣшаетъ признать появленіе его и у насъ съ той же поры. Вѣдь объединеніе Италіи и Германіи совершилось, можно сказать, только на нашихъ глазахъ; серьезныя попытки къ его осуществленію нача-

1) Соловьевъ, Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. М. 1872, стр. 6—9.

лись лишь въ началѣ текущаго вѣка; вѣдь такъ еще сравнительно недавно Метернихъ имѣлъ право бросить Италіи презрительное прозвище «географическаго термина»

Разумѣется, русское національное самосознаніе XVI—XVII вв. было уже нынѣшняго, но все же достаточно широко, чтобъ не называть его только «инстинктивнымъ» и «не доконченнымъ». Если Западъ въ ту пору рисовался народной массѣ сплошь «фряжскимъ» или «нѣмецкимъ», то вѣдь и понынѣ она именуетъ *нѣмцемъ* и *басурманомъ* всякаго иноземца, въ первомъ случаѣ — неправославнаго христіанина, во второмъ — мусульманина или язычника. Едва ли и теперь извѣстно ей существованіе испанцевъ, итальянцевъ, шведовъ, датчанъ Неужели Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Алексѣй Михайловичъ, Ордынъ-Нащокинъ по дѣтски понимали національные интересы своего времени? Программа русско-литовскихъ отношеній была выработана этими дѣятелями, и Екатеринѣ II только оставалось ее выполнить; балтійскій вопросъ давно уже назрѣлъ въ сознаніи русскаго общества, когда великій Петръ принялся за его осуществленіе. Идея народной цѣльности точно также крѣпко овладѣла людьми XVI—XVII вѣковъ; только она могла породить и отыскать тѣ силы, которыя сберегли Русскую землю отъ общей распатанности въ тяжелую годину страшнаго Лихолѣтья. Всякій признаетъ, что по силѣ національнаго подъема 1612 годъ не только не ниже, но и выше, величавѣе 1812-го. Въ то же время растеть и крѣпнеть идея о Москвѣ — третьемъ Римѣ, что неизбѣжно выдвигало насъ въ сферу болѣе широкихъ національныхъ представленій.

Итакъ эпоха Петра Великаго не есть какой-нибудь водораздѣлъ, рѣзко отдѣляющій двѣ совершенно различныхъ системы. Нѣтъ! И до нея, и послѣ нея мы видимъ одно теченіе однихъ и техъ же водъ. Только раньше это были ручьи, когда робкіе (въ сферѣ культурной), когда достаточно сильные и полноводные (въ сферѣ международныхъ отношеній), подчасъ еще только отыскивающіе свое русло, пробивающіе новую дорогу, но уже всегда позво-

ляющіе опредѣлить характеръ будущаго теченія. Теперь они естественно слились въ одну большую рѣку, — и впечатлѣніе само собою выигрываетъ въ силѣ, а для нѣкоторыхъ даже и въ неожиданности. Только этою неожиданностью да трудностью услѣдить всѣ связующія нити и объясняется господствующее представленіе о преимущественно качественной, а не количественной разницѣ XVII и XVIII вѣковъ.

Но гдѣ же въ такомъ случаѣ слѣдуетъ искать истока этихъ ручьевъ? Откуда берутъ они свое начало? Давно уже ищутъ ихъ на всемъ пространствѣ XVII столѣтія, а за послѣднее время начало новаго періода русской исторіи всего охотнѣе возводятъ къ воцаренію Дома Романовыхъ, къ прекращенію Смуты.

Еще въ прошломъ столѣтіи славный нашъ историографъ Г. Ф. Миллеръ писалъ: «на исторію Федора можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣяній царя Алексѣя Михайловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ Великимъ. Только въ Западной Европѣ это царствованіе осталось весьма мало извѣстнымъ. Исторія должна справедливо судить о всякомъ государѣ, и съ благодарностію замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго»¹⁾. Соловьевъ прямо относилъ царствованіе Федора Алексѣевича къ эпохѣ преобразованій²⁾; Кавелинъ уже въ сороковыхъ годахъ настаивалъ на внутренней связи между Россією XVII вѣка и временемъ Петра Великаго³⁾; послѣ него еще рѣшительнѣе развивалъ эту мысль Горскій⁴⁾; послѣдній періодъ русскаго законодательства и *внутренней народной жизни* Бѣляевъ велъ отъ царя Алексѣя⁵⁾; В. И. Сергѣевичъ эту связь Петровской эпохи съ прошлымъ проводитъ еще далѣе⁶⁾; да и А. Г. Брикнеръ въ своемъ

1) Е. Е. Замысловскій, Царствованіе Федора Алексѣевича, часть I, стр. 08.

2) Исторія Россіи, томъ XIII.

3) Сочиненія, I, 371.

4) Объ историческомъ значеніи царствованія Алексѣя Михайловича. Казань 1857, стр. 4—6.

5) Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М. 1879, стр. 5.

6) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб. 1888, стр. 48—60.

послѣднемъ трудѣ считаетъ возможнымъ прослѣдить «европеизацію» Россіи на всемъ протяженіи XVII вѣка¹⁾). Убѣжденіе, что Петръ имѣлъ своихъ *предшественниковъ*, нерѣдко заставляло нашихъ историковъ именно съ этой точки зрѣнія изучать явленія XVII вѣка²⁾). Если не ошибаемся, впервые Е. Е. Замысловскій призналъ наиболѣе основательнымъ «начинать съ царствованія Михаила Ѳеодоровича новую исторію Россіи и гранью между древнею и новою Россіею считать Смутное время»³⁾). Наконецъ, въ самое послѣднее время Д. И. Иловайскій высказалъ ту же мысль, именно, что древнюю Русь отъ новой отдѣляетъ «бурный переломъ въ русской политической жизни, извѣстный подъ именемъ Смутаго времени»⁴⁾).

Съ своей стороны мы считали бы возможнымъ отодвинуть эту грань еще на цѣлое столѣтіе назадъ. Ничего не значить, что старина слышится въ XVI вѣкѣ повсюду: и въ формахъ государственной жизни, и въ формахъ общественной; въ дружинномъ боярствѣ, въ опричиннѣ, въ остаткахъ удѣльнаго и вотчиннаго строя, въ крѣпкой связи съ татарскимъ востокомъ, въ патриархальной неопредѣленности отношеній сословныхъ, въ невыработанности правового начала...

Необходимо отрѣшиться отъ обычнаго, но неправильнаго пониманія такихъ выраженій, какъ водораздѣлъ, грань, рубежь и имъ подобныя, и помнить, что смыслъ ихъ въ примѣненіи къ явленіямъ историческимъ весьма условный. Въ жизни живаго существа не можетъ быть такой грани, которая бы оборвала всѣ нити прошлаго, а по другую сторону себя дала бы жизнь новымъ, съ тѣми органически не связаннымъ. Грань историческая — это двуликій Янусъ, одновременно глядящій и взадъ, и впередъ; не узкая линія, а широкая полоса, та переходная эпоха,

1) Die Europäisirung Russlands. Land und Volk. Gotha. 1888.

2) В. С. Иконниковъ, Предшественники Петровской реформы. I. ближній бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Спб. 1888 (оттискъ изъ Русской Старины 1883, №№ 10, 11).

3) Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Часть I, стр. 074.

4) Исторія Россіи, т. III, предисловіе.

гдѣ сходятся явленія прошлаго и будущаго, гдѣ хотя старое подчасъ и проявляетъ еще большую живучесть, а новое дѣйствуетъ неувѣренно, но смерть отживающаго начала и торжество молодаго лишь одинъ вопросъ времени. Вспомнимъ завѣтъ великаго историка: «не дѣлать, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время»¹⁾.

Въ эпохѣ Петра Великаго обыкновенно отличаютъ двѣ стороны: реформу международнаго положенія и реформу внутреннюю, культурную. Но значеніе послѣдней всегда особенно подчеркивалось въ ущербъ первой. Конечно, нельзя было забыть цѣнныхъ результатовъ Полтавской побѣды, закрыть глаза на послѣдствія Ништадтскаго мира; но все же Петръ I охотнѣе рисовался въ нашемъ воображеніи, какъ работникъ, наставникъ и просвѣтитель своего народа, организаторъ арміи, флота, управленія, промышленности, финансовъ . . . Точно такъ же и тѣ, кто въ XVII вѣкѣ видѣлъ подготовительную эпоху, «предшественниковъ» Петра, — эту подготовку сводили главнымъ образомъ къ сознанію недостатковъ *внутренняго* строя Россіи. Такимъ образомъ реформа международная какъ-то ступшевывалась, а вслѣдствіе этого и впечатлѣніе получалось одностороннее.

Между тѣмъ въ этой *внѣшней* политикѣ и былъ прежде всего источникъ движенія, превратившаго «старую» Россію въ Россію «новую». Дѣло въ томъ, что задачи международныя прежде и больше всего вызвали сознаніе и другихъ потребностей, именно, культурныхъ: реформъ въ области народнаго хозяйства, финансовъ, организациіи войска, управленія, образованія и. т. п., и особенно содѣйствовали въ принятомъ рѣшеніи: ускорить по-

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I (М. 1851), предисловіе, стр. V.

сильное ихъ осуществленіе. Такимъ образомъ начало Новой Россіи слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ начинается международная жизнь нашего отечества. А началась она для насъ съ XVI столѣтія. Вотъ основанія, почему на рубежѣ XV и XVI вѣковъ мы предпочитаемъ ставить вышеозначенную грань.

Выставляя такое положеніе, мы нисколько не думаемъ ослаблять великаго значенія Петровской эпохи и ничего не возразили бы даже противъ того, чтобъ XVI-му и XVII-му вѣкамъ, если кто пожелаетъ на этомъ настаивать, усвоено было названіе *подготовительнаго* періода: при нормальномъ ходѣ жизни все предшествующее *подготавливаетъ* и ничто изъ послѣдующаго не можетъ явиться, не имѣя корней въ прошломъ. Дѣло не въ названіи. Но уже если непременно искать такихъ рубежей, то не слѣдуетъ опасаться ставить ихъ даже и тамъ, гдѣ соответствующіе признаки едва только успѣли пробиться, едва только намѣчены. Какъ бы ни были они слабы и молоды, какъ бы повидимому старая жизнь ни была еще полнымъ и сильнымъ ключемъ, но новый голосъ уже послышался, новый путь обозначился. Обязанность историка отыскать и прослѣдить его въ массѣ враждебныхъ голосовъ, въ хаосѣ противоположныхъ направленій.

Кто привыкъ смотрѣть на Московскую Русь, какъ на «отсталую», тѣ, весьма вѣроятно, признаютъ только что сдѣланный выводъ черезчуръ смѣлымъ, если не парадоксальнымъ. Но стоить лишь внимательно проанализировать эту пресловутую «отсталость», чтобъ признать, что въ обыденномъ пониманіи этого выраженія есть много узкаго, односторонняго и прямо не вѣрнаго.

Пока рѣчь идетъ о необразованности русскихъ людей XVI и XVII вв., о несовершенствахъ военнаго и административнаго строя, о бѣдности и ничтожествѣ матеріальныхъ средствъ, то мы, очевидно, стоимъ на почвѣ вполне устойчивой; но лишь только тогдашняя Россія начнетъ рисоваться въ нашихъ глазахъ странною азіатскою, чуждою европейскихъ интересовъ, изолирован-

ною, стоящею внѣ общаго теченія европейской жизни, въ пассивномъ ожиданіи той минуты, когда придетъ великій Петръ и могучею рукою вдвинетъ ее въ водоворотъ этой жизни, — тогда мы сразу попадаемъ въ противорѣчіе съ фактами и законами историческаго развитія.

Общность происхожденія и религіозныхъ основъ, преподаваемыхъ христіанствомъ; одновременность вступленія на историческое поприще, — ибо разница во времени слишкомъ ничтожна, чтобъ въ данномъ случаѣ стоило принимать ее въ расчетъ, — кромѣ того, географическое положеніе, — ибо восточная часть Европейскаго материка неразрывно связана съ западною ея половиною, — все это поставило русскую народность лицомъ къ лицу съ ея европейскими собратьями и неотразимо намѣтило взаимодѣйствіе ихъ исторической жизни. Можно говорить о болѣе тѣсной связи германо-романскихъ государствъ между собою; о болѣе крѣпкихъ религіозныхъ узахъ, созданныхъ для нихъ котоличествомъ; можно утверждать, что наслѣдіе древняго Рима полнѣе ими воспринято и т. п., — но все это уже будутъ однѣ детали, не измѣняющія сущности самага дѣла, — два разныхъ побѣга, но всегда одного и того же корня.

Такъ называемые средніе вѣка были для европейскихъ народовъ періодомъ подготовительнымъ, временемъ домашнихъ интересовъ, первоначальнаго образованія, — пора гражданскаго несовершенности, когда каждый жилъ про себя, въ своемъ углу... Если германскіе императоры и стремились постоянно къ завоеванію Италіи, то ихъ походы вытекали изъ чисто средневѣковой идеи единства недробности наслѣдія Карла Великаго, идеи, шедшей прямо въ разрѣзъ съ идеалами новыхъ вѣковъ, мечтавшихъ о самостоятельныхъ національныхъ государствахъ. Точно также и Столѣтняя война англичанъ съ французами есть феодальная борьба вассала съ сюзереномъ: не національно-государственные интересы ее породили, но сами они могли народиться и стать сознанными только черезъ эту войну. Крестовые походы, конечно, событіе общее для всей Западной Европы; но не даромъ

мы привыкли видѣть въ нихъ явленіе спеціально средневѣковое, чуждое соображеніямъ позднѣйшихъ вѣковъ. Въ средніе вѣка Европа не знала *государствъ*, а потому въ ней не могло быть мѣста и для *европейскихъ державъ*.

Но вотъ пробилъ часъ, и во второй половинѣ XV-го столѣтія Европа отпраздновала свое вступленіе въ гражданскую жизнь съ ея правами и многотрудными обязанностями. Появленіе *государствъ* неизбѣжно обусловливало и образованіе изъ нихъ *державъ европейскихъ*. Изъ отдѣльныхъ ячеекъ Европа превратилась въ сложный организмъ; вмѣсто механической мозаики явились члены цѣльнаго и живаго существа. При такихъ условіяхъ всѣ эти части непременно двигаются сообща, изолированность недопустима, ибо одинъ изъ органовъ своимъ движеніемъ неизбѣжно увлекаетъ и остальные. Рѣчь можетъ идти только о болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, о лучше подготовленныхъ, о томъ, на сколько извѣстный органъ овладѣлъ необходимыми знаніями, о томъ, кто дѣйствуетъ изъ нихъ активнѣе, кто пассивнѣе; — но какъ государства, какъ части великаго цѣлаго — Европы — всѣ эти народности уже и теперь вступаютъ на путь широкаго международнаго общенія. Короче говоря, неодинаковы могутъ быть *средства*, способы достиженія цѣлей; но самыя цѣли, самыя задачи рисуются и понимаются болѣе или менѣе одинаково.

Не даромъ конецъ XV-го столѣтія выдвигаетъ повсюду однообразные типы. Генрихъ VII Тюдоръ и Людовикъ XI французскій, Фердинандъ Католикъ и нашъ Иванъ III точно вылиты изъ одной формы. И тамъ, и здѣсь, очевидно, повѣяло новымъ воздухомъ. Уничтожаются феодалы и удѣлы, прекращаются вотчинныя владѣнія и возникаютъ *государства* съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ они существуютъ и понинѣ. Пусть не вездѣ новая программа одержитъ верхъ, пусть Италия съ Германіей еще въ теченіе четырехъ столѣтій напоминаетъ, каждая, не столько государство, сколько конгломератъ территорій частновладѣльческаго характера; но въ высшей степени важно то, что самая про-

грамма пыталась утвердиться и въ этихъ странахъ. Въ этомъ отношеніи Сикстъ V и Макіавелли, Фридрихъ III и Максимилианъ I имѣютъ полное право быть занесены въ категорию вышепоименованныхъ государей.

Начатую аналогію можно провести и дальше. Почему идеалъ царской власти импозантнѣе непремѣнно у Филиппа II испанскаго, а не у его современника, Ивана Грознаго? Князь Андрей Курбскій охотно пожалъ бы руку дюкъ де Бурбону, знаменитому сопернику Франциска I. Не даромъ во Франціи Генрихъ IV, Ришелье и Мазарини; въ Россіи — всѣ государя XVI-го вѣка ведутъ такую упорную борьбу: одни съ дворянствомъ, другіе — съ боярствомъ. Однаковыя причины всюду вызываютъ и одинаковыя слѣдствія. Увеличеніе налоговъ, реорганизація войска, осложненіе администраціи — характерныя черты равно для запада и для востока Европы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Повторяемъ, разница заключается во времени достиженія, въ большей или меньшей легкости, умѣньи и успѣхѣ, но отнюдь не въ сознаніи и не въ потребности.

Вотъ почему, говоря объ «отсталости» до-Петровской Руси, мы должны помнить, что въ сферѣ международной жизни наше государство съ самаго конца XV или по крайней мѣрѣ начала XVI вѣка идетъ на ряду съ Западною Европою. Гражданская зрѣлость съ его юридическою правоспособностію наступила въ одно и то же время для всѣхъ, какъ для француза, такъ и для русскаго, какъ для шведа, такъ и для испанца. Если въ Западной Европѣ борьба за обладаніе Италіею выдвигаетъ вопросъ о политическомъ равновѣсіи, этомъ характерномъ явленіи новыхъ вѣковъ, то и на востокѣ вопросъ Ливонскій представляетъ жизненный интересъ для цѣлой группы сосѣднихъ государствъ; если у нашихъ собратьевъ въ ту пору впервые возникаютъ политическіе союзы на самыхъ широкихъ основаніяхъ, то время Грознаго позволяетъ утверждать, что и русскому человѣку не чуждо было пониманіе таковыхъ комбинацій; если тамъ вопросы политическіе тѣсно переплетены съ вопросами религіозными, и въ

борьбѣ Филиппа II съ Елизаветою англійскою не всегда опредѣлишь, гдѣ оканчиваются интересы церкви и начинаются интересы государства, подобно тому какъ Густавъ Ваза съ преемниками заботу объ утвержденіи Лютерова ученія всегда раздѣлялъ съ заботой о превращеніи Балтійскаго моря въ Шведское озеро; — то вѣдь и у насъ вопросъ польско-литовскій одинаково развился въ распрю племенную и религіозную: не даромъ же рядомъ съ унией Люблинскою возникаетъ и Брестская. Не забудемъ, что успѣхи Ивана Грознаго на востокѣ запечатлѣны характеромъ борьбы съ *басурманами*, иновѣрцами.

Смушеніе, произведенное въ Европѣ союзомъ христіаннѣйшаго короля Франциска I съ магометанскимъ султаномъ противъ своего же собрата по вѣрѣ, германскаго императора, не помѣшало однако ему состояться; католическій король Генрихъ II вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ протестантомъ Морицемъ Саксонскимъ противъ своихъ единовѣрцевъ въ Германіи; то же самое, только еще беззащитнѣе и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, дѣлаетъ кардиналъ Ришелье, одинъ изъ столповъ Римской церкви. Политика беретъ верхъ надъ религіей. У насъ то же самое. Иванъ III дружитъ съ Менгли-Гиреемъ; помощь «басурманъ»-крымцевъ въ борьбѣ съ поляками всегда принималась охотно; латинская церковь громится въ проповѣдяхъ и литературныхъ произведеніяхъ, но это не мѣшало пользоваться ея услугами въ дѣлахъ государственныхъ, какъ показываетъ исторія съ Поссевиномъ. Если у насъ подобные факты блѣднѣе и рѣже, то только потому, что «басурмане» были въ одно и то же время врагами и религіозными, и политическими.

Но вступленіе Европы на поприще новыхъ отношеній проявилось не только въ сферѣ тѣсно-политической, государственной или культурной; а и, кромѣ того, на почвѣ экономическихъ интересовъ. Постоянныя арміи, продолжительныя войны, дорого стоящая администрація вызываютъ усиленные налоги, подати, пошлины; деньги приобрѣтаютъ небывалое до тѣхъ поръ значеніе; промышленность и обусловленная ею торговля становятся

важнымъ факторомъ въ положеніи любой народности; открытіе новыхъ странъ и земель, заведеніе обширныхъ колоній, очевидно, было дѣломъ не одной только предприимчивости и кипучихъ силъ, искавшихъ себѣ примѣненія. И если Россія, отброшенная судьбою въ глубь материка, не могла создать своихъ Колумбовъ, Діацовъ, Каботовъ и Дэвисовъ, если здѣсь роль ея пассивная (вспомнимъ наши отношенія къ англичанамъ въ царствованіе Ивана Грознаго), то именно эта зависимость и побуждала насъ расчищать себѣ дорогу и, пробиваясь къ Балтійскому морю, завоевывать тамъ свое право активнаго участія въ экономической жизни Европы.

Что же собственно втягивало Россію XVI-го вѣка въ общее теченіе европейской жизни? Съ какимъ обликомъ, съ какими индивидуальными чертами вступала она въ семью европейскихъ народовъ?

Время Ивана III и его преемника было крупнымъ переломомъ въ русской жизни. Россія впервые почувствовала себя государственнымъ тѣломъ, чѣмъ-то единымъ, крѣпкимъ, а не прежнимъ разорваннымъ на части существомъ. Паденіе монгольскаго ига съ политической свободой принесло чувство самодостоинства, самоуваженія; законченный процессъ объединенія сѣверо-восточныхъ удѣловъ съ фактическимъ увеличеніемъ власти — чувство единства и солидарности, сознание своего Я. Вся дѣятельность государственной машины носитъ теперь болѣе величавый характеръ; государственное начало стремится замѣнить собою вотчинное; вольная дружина превращается въ слугъ государевыхъ; духовенство въ лицѣ Іосифа Волоцкаго и его единомышленниковъ энергически поддерживаетъ новые идеалы. Личности самого Ивана III, его сына и тѣмъ болѣе внука проникнуты сознаниемъ своего царственнаго величія. Успѣхъ въ борьбѣ съ татарами не ограничивается отказомъ платить дань: внукъ великаго князя Ивана Васильевича громитъ Казанское царство и изъ состоянія обороны переходитъ въ наступленіе. Вспомнимъ превосходную оцѣнку значенія этого событія, сдѣланную С. М. Соловьевымъ.

«Надобно перенестись въ XVI вѣкъ», — говоритъ знаменитый нашъ историкъ, — «чтобы понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ эти слова: *завоевано Татарское царство!*» Послѣ долгихъ лѣтъ униженія Грозный какъ-бы вернулъ Русскую землю къ счастливой порѣ первыхъ князей-героевъ, завоевывавшихъ ей чуждыя страны. Казанскій походъ нашелъ живой и сочувственный отголосокъ въ сердцахъ современниковъ: «завоеваніе Казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка»¹⁾.

Не менѣе, если не болѣе важнымъ факторомъ въ развитіи русскаго національнаго самосознанія была Флорентинская унія. Чѣмъ авторитетнѣе стояла византійская церковь въ глазахъ русскаго народа, чѣмъ, повидимому, устойчивѣе былъ весь престижъ ея, тѣмъ болѣе ошеломляющее дѣйствіе произвело на нашихъ предковъ извѣстіе о соглашеніи грековъ съ Римскимъ первосвященникомъ. Тѣ, на кого привыкли смотрѣть какъ на своихъ наставниковъ, какъ на своихъ руководителей, слѣпо и безусловно довѣрялись ихъ слову — они впали вдругъ въ ересь, отступили отъ православія! Авторитетъ византійской церкви былъ подорванъ въ конецъ, и поверженный кумиръ разъ навсегда сошелъ со своего пьедестала. Послѣдовавшее вскорѣ за Уніей паденіе Константинополя окончательно укрѣпило русскихъ въ новыхъ представленіяхъ. Это Богъ попустилъ нечестивыхъ агарянъ покарать грековъ за ихъ отступничество. Константинополь погибъ за свои грѣхи...

Но что такое былъ самъ этотъ Константинополь? Ему выпала на долю завидная судьба стать выразителемъ великой идеи — православнаго христіанства. Это былъ сосудъ, въ которомъ хранилось великое содержаніе. Царьградъ былъ опорой, столпомъ христіанства, подобно тому какъ раньше имъ былъ итальянскій Римъ, пока не отпалъ въ латинскую ересь. Такъ раз-

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, изд. 4-е, стр. 98—99.

суждали православные люди. Теперь этот столп, этот второй Римъ палъ. Но изъ за того что сосудъ разбился, должно ли изсякнуть и его содержаніе? Неужели Богъ попуститъ исчезнуть съ земли истинной вѣрѣ и восторжествовать латинянамъ, и-маильтянамъ? . . . Религіозное чувство русскаго человѣка, разумѣется, должно было подсказать отрицательный отвѣтъ. Правая вѣра — вѣчная, неумирающая; изсякнетъ она — тогда и міру наступитъ конецъ.

Но гдѣ же въ такомъ случаѣ найти этотъ новый сосудъ? Кто явится въ великой роли защитника православія? Осматриваясь вокругъ себя, наши предки не находили въ подлунномъ мірѣ иного народа, какъ русскій, иного государства, какъ Московское, достойнаго нести это почетное знамя. Не сербамъ же, не болгарамъ, признавшимъ иго султанское, претендовать на такую почетную роль. Среди православныхъ нѣтъ другого народа, кромѣ русскаго, столь мощнаго, независимаго, столь благовѣрнаго; недавнее освобожденіе отъ ига татарскаго, уничтоженіе удѣловъ наглядно свидѣтельствовало о народившейся силѣ и убѣдительно говорило въ пользу такого мнѣнія. Однако еще не достаточно было стать сильнымъ, довольствоваться однимъ констатированіемъ факта, — требовалось и оправдать этотъ фактъ, дать ему теоретически-правовую подкладку. Бракъ Ивана III съ Софіею Палеологъ освящаетъ притязанія Московскаго государства на великое наслѣдство; легенда о бармахъ и Мономаховомъ вѣнцѣ пытается эти наслѣдственные права вывести изъ сферы случайныхъ явленій; а другая легенда, сложившаяся о ту же пору, генеалогически производя основателя Русскаго государства, Рюрика, отъ Прусса, брата Августа, основателя Римской имперіи, — даетъ этимъ притязаніямъ новое обоснованіе, новую устойчивость. Такъ сложилось представленіе о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, какъ о наслѣдницѣ Византійской имперіи; о русскихъ князьяхъ — какъ независимыхъ, могущественныхъ и полноправныхъ.

При такомъ взглядѣ на самого себя, могъ ли московскій

государь довольствоваться простымъ титуломъ великаго князя? Разъ онъ сталъ носителемъ лучшей, самой высокой, самой идеальной, можно сказать, святой идеи — православія — то уже по одному этому становился не только независимымъ, но и во главѣ всѣхъ другихъ владыкъ міра. Титулъ великаго князя слишкомъ отзывался эпохою татарскаго владычества, удѣльнаго безсилія, вѣчеваго своеволія. Его долженъ смѣнить другой титулъ, — царя. А царь — это то же, что императоръ, то есть, единственный верховный владыка, недопускающій подлѣ себя равноправныхъ совмѣстниковъ. Ибо по тогдашнимъ возрѣніямъ одновременно могъ быть только одинъ настоящій законный императоръ, какъ была одна законная христіанская вѣра.

Поэтому-то принятіе царской короны Иваномъ Грознымъ, соединенное съ торжественнымъ актомъ священнаго помазанія, было только внѣшнимъ выраженіемъ давно назрѣвшихъ представлений. Уже Василій Темный отбрасываетъ въ договорныхъ грамотахъ прежнее выраженіе: «по благословенію отца нашего митрополита» и замѣняетъ его словами: «Божіею милостію и Пречистыя Богоматери»; онъ, очевидно, считаетъ себя въ правѣ поступить такъ, тѣмъ болѣе, что уже и отецъ его дѣлалъ шаги, правда, робкіе, въ этомъ же направленіи¹⁾. Иванъ III, породнившись съ династією Палеологовъ, принимаетъ византійскій гербъ; вѣнчаетъ своего внука Дмитрія царскимъ вѣнцомъ... Надо думать, что эпитеты «царя», «христіанскаго», «боголюбиваго», «Богомъ утверженнаго», приложенные къ Ивану архіепископомъ Вассіаномъ и разсѣянные въ извѣстномъ его посланіи на рѣку Угру, не звучали анахронизмомъ для современниковъ²⁾. Въ сношеніяхъ съ Ревелемъ, Любекомъ, магистрами Ливонскимъ и Прусскимъ Иванъ III титулуетъ себя: «Божіею милостію царь всея Руси» или «государь великій царь всея Руси»;

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, IV, изд. 4-е, стр. 166.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. VIII, стр. 207—218.

въ сношеніяхъ съ Крымомъ и Турціей: «Божіею милостію единъ правый государь всея Русь», а въ сношеніяхъ съ Литвою съ 1493 года — «Божіею милостію государь всея Русь»¹⁾. Онъ же, Иванъ III, первый изъ московскихъ князей официально привялъ и званіе «самодержца»²⁾. Сынъ византійской царевны, Василій III, еще болѣе окрѣпъ въ новыхъ понятіяхъ. Вспомнимъ отзывъ барона Герберштейна объ этомъ государѣ³⁾. Титулъ царя практикуется Василюемъ Ивановичемъ гораздо чаще, чѣмъ при его предшественникѣ⁴⁾. Самъ германскій императоръ признаетъ за нимъ права на равное съ собой положеніе и величаетъ Василюя «Божіею милостію цесаремъ и обладателемъ все-россійскимъ»⁵⁾. Новое содержаніе ищетъ соответствующихъ формъ и обрѣтаетъ ихъ въ 1547 году въ торжественномъ коронованіи Ивана Васильевича Грознаго.

Вотъ почему безусловно справедливо кажется намъ мысль М. А. Дьяконова о томъ, что «мнѣнія Грознаго о царскомъ достоинствѣ, о правахъ и обязанностяхъ государя слагались уже

1) М. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 184.

2) Указанія на это собраны въ только что указанной книгѣ М. А. Дьяконова, стр. 185.

3) «Властью, которую имѣеть надъ своими, онъ превосходитъ едва-ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра... Онъ имѣеть власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣеть, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемънибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія. Они открыто признають, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаеть, то дѣлаеть по волѣ Божіей, потому они даже называютъ его Божимъ ключникомъ и постельникомъ, и наконецъ вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли Божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велить. Подобно тому, если кто-нибудь спрашиваетъ о какомъ-нибудь невѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ, — обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь (Переводъ Анонимова, стр. 26, 28. Cf. Starczewski, Historiae rutenicae scriptores exteri saeculi XVI, tom. I, pag. 11, 12).

4) Дьяконовъ, стр. 186.

5) Въ знаменитой грамотѣ 1514 года. Памятники дипломатич. сношеній, т. I, столбецъ 1504.

по готовымъ образцамъ, и ему не пришлось прибавить ничего новаго къ готовымъ теоріямъ¹⁾; а потому необходимо отказаться отъ мнѣнія С. М. Соловьева, будто бы «Иванъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполне все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически»²⁾. Иванъ Грозный далъ только законченную форму идеѣ, уже готовой и вполне сложившейся.

Ставши «царствомъ», могла ли Русская земля сохранить прежнія свои зависимыя отношенія къ константинопольскому патріархату? Очевидно, нѣтъ. Слуга султана, несвободный въ своихъ поступкахъ, патріархъ не могъ внушать къ себѣ ни прежняго довѣрія, ни прежняго уваженія. Сами греки искали теперь у русскихъ защиты отъ притѣсненій турецкихъ, прибѣгали къ помощи матеріальной въ своихъ нуждахъ и бѣдности. Сюда присоединились и нравственные результаты Флорентинской уніи. Параллельно съ легендами о происхожденіи Рюрика изъ Пруссъ и Мономаховыхъ регаліяхъ, возникаютъ другія, на почвѣ церковной: о бѣломъ клубкѣ, о путешествіи апостола Андрея по русской землѣ и водруженіи имъ креста на горахъ Кіевскихъ . . .

Учрежденіе патріаршества такимъ образомъ было неизбежнымъ и логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго. 1547-й и 1589-й годъ — это два неразрывныхъ звена въ длинной цѣпи развитія русскаго національнаго самосознанія³⁾.

Но новое положеніе влечетъ за собою и новыя обязанности. Наслѣдникъ византійскаго императора, столпъ православія, первый по силѣ и независимости государь славянскій, — можетъ ли онъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ торжества иновѣрцевъ,

1) Власть Московскихъ государей, стр. 138.

2) Исторія Россіи, VI, изд. 4-е, стр. 40.

3) Напомнимъ, что и въ единоплеменной Сербіи Стефанъ Душанъ, ставши «басилевсомъ», не счелъ возможнымъ сохранить прежнія отношенія къ византійской церкви и основалъ въ своемъ государствѣ независимый патріархатъ.

не обязанъ-ли онъ схватиться за мечъ и направить его туда, гдѣ этому православію, этому славянству грозитъ опасность?

По сосѣдству, въ родной землѣ, населенной единовѣрными родными братьями утвердился латинскій крыжъ. То была пора католической реакціи во всей Европѣ, моментъ усиленной дѣятельности іезуитскаго ордена, тогда еще полного молодыхъ, свѣжихъ силъ, богатаго энергичными борцами, и эта пора придала латинской церкви въ литовско-русскихъ областяхъ особенно воинствующій, наступательный характеръ. Такъ возникъ вопросъ о «возвращеніи западно-русскихъ областей», печальный «споръ славянъ между собою», продолжавшійся цѣлыхъ три вѣка и окончившійся политической смертью одного изъ соперниковъ. Раньше борьба московскихъ князей съ литовскими носила характеръ чисто мѣстной вражды за удѣлы, заботы о расширеніи своей отчины. Истинно государственный смыслъ борьбы національной и религіозной получила она только съ Ивана III и его сына и сохраняла его вплоть до конца.

Но русскій мечъ могъ пригодиться еще и въ другомъ мѣстѣ. На далекомъ Балканскомъ полуостровѣ православный крестъ попирался магометанскимъ полумѣсяцемъ. Разумѣется, борьба съ Турецкой имперіею пока еще была немислима; далекаго врага отдѣляли въ ту пору не только Черное море, а и Крымскія степи; чтобы придвинуться къ нему, Россіи придется переждать еще не одно поколѣніе. Къ тому же на очереди стояли другіе, болѣе неотложные вопросы, польскій и крымскій. Если первый, какъ мы сейчасъ видѣли, всецѣло вытекалъ изъ новой программы, начертанной самою жизнью для русскаго народа, то второй былъ навязчивымъ наслѣдіемъ, продолженіемъ той безконечной борьбы со степными народами, начало которой приходится искать за предѣлами нашей исторіи. Какъ впрочемъ ни отвлекалось русское общество и правительство дѣлами крымскими и польскими, тѣмъ не менѣе уже и въ XVI вѣкѣ мы можемъ отмѣтить зарожденіе того вопроса, которому впоследствии усвоятъ специальное

названіе *восточнаго*. Страстное, никогда не умиравшее желаніе освободиться отъ ига заставляло православные народы Балканскаго полуострова отыскивать себѣ освободителей, и взоры ихъ давно уже съ надеждою обращались къ могущественной Москвѣ. Не успѣлъ Грозный принять царскаго титула, какъ греки шлютъ русскому государю просьбу о защитѣ. «Представленіе о московскомъ царѣ, какъ предназначенномъ овладѣть съ теченіемъ времени наслѣдіемъ великаго Константина, какъ объ имѣющемъ освободить всѣ православные народы отъ рукъ злочестивыхъ, все болѣе укоренялось на востокѣ, пока наконецъ», — говоритъ Н. О. Каптеревъ, — «не сдѣлалось общимъ вѣрованіемъ, народнымъ убѣжденіемъ». Мало по малу среди покоренныхъ турками православныхъ народностей «сложилось и окончательно укоренилось убѣжденіе, что московскій царь есть покровитель и защитникъ всѣхъ православныхъ народовъ и что ему именно предназначено свыше освободить ихъ изъ рукъ невѣрныхъ»¹⁾. Не только поработенный востокъ, но и «нѣкоторые изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ и подчиненіемъ Византійской имперіи, ищутъ теперь покровительства у московскаго государя, къ которому выражаютъ желаніе стать въ тѣ же отношенія, въ какихъ они стояли раньше къ Византіи. Таковы были сербскій деспотъ Іоаннъ и артскій деспотъ Карлъ²⁾. Царь Кахетіи Александръ величаетъ еще въ 1491 году вел. князя Московскаго «христіанскою надежою», а себя его «холопомъ»; одинъ же изъ его преемниковъ, Леонъ, былъ принятъ въ 1564 году Иваномъ Грознымъ «подъ царскую руку во оборону для православные христіанскіе вѣры»³⁾.

Итакъ XVI вѣкъ въ связи съ ростомъ національнаго само-

1) Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 249—250.

2) Дьяконовъ, Власть Московскихъ государей, стр. 89—90.

3) А. Бѣлокуровъ, Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Чтенія Моск. Общ. Исторіи Древн. Росс. 1888, кн. III, стр. XXI, LXXXIV.

сознанія породилъ двѣ новыхъ задачи, польскую и турецкую, получивъ отъ своего предшественника въ наслѣдство еще третью, неразрѣшенную, — именно крымскую.

Но осуществленіе всѣхъ этихъ цѣлей требовало новыхъ средствъ, новыхъ орудій! Ни организація, ни культура древней Руси не соотвѣтствовала времени. Приходилось искать, даже завоевывать, силою брать эти средства у болѣе культурнаго Запада. Войско, финансы, промышленность, образованіе — вотъ въ чемъ сталъ ощущаться особенный недостатокъ. А это въ свою очередь породило новый насущный вопросъ XVI вѣка — вопросъ Балтійскій. Утвержденіе на берегахъ Балтійскаго моря должно было обезпечить наши мирнокультурныя сношенія съ сосѣдями, близкими и отдаленными, и въ то же время предохранить себя отъ ихъ враждебныхъ поступковъ.

Но возможно ли было точно разграничить эти три сферы, крымско-турецкую, польскую и балтійскую? Въ борьбѣ Россіи съ Крымомъ Польша не можетъ остаться безучастною зрительницею. Она или направляетъ степь, какъ орудіе въ борьбѣ своей съ Русью, или совместно съ послѣднею идетъ на нее войною. Не забудемъ, что кандидатура Грознаго на польско-литовскій престоль считала за собою однимъ шансомъ больше между прочимъ и потому, что тогда на татаръ можно было бы пойти соединенными силами обохъ государствъ¹⁾. Съ другой стороны борьба съ Ливонскимъ Орденомъ превращается для Ивана Грознаго и его преемниковъ въ войну на два фронта: со Швеціей и съ Польшею. Отнюдь не безучастно слѣдитъ за развитіемъ Балтійскаго вопроса и Германія. Торговья сношенія Россіи съ Англіею и Голландіею вызываютъ отпоръ заинтересованныхъ сосѣднихъ государствъ. Въ то же время широкіе планы Римскаго престола, неумоимо работавшаго надъ организаціей антиоттоманской лиги, привлекаютъ къ общему участию и отдаленную Русь, создавая новое звено въ отношеніяхъ послѣдней къ Германіи и особенно

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, изд. 4-е, стр. 278.

Польшѣ. Грандіозные проекты соединенія церквей на общемъ фонѣ католической реакціи, наступившей послѣ Аугсбургскаго религіознаго мира, меньше чѣмъ когда нибудь позволяли нашимъ предкамъ держаться въ сторонѣ отъ текущихъ явленій¹⁾.

Такимъ образомъ повсюду замѣчается, какъ Русское государство съ разныхъ сторонъ и разными узлами связываетъ свою жизнь съ жизнью другихъ державъ. Оно вступаетъ въ магическій кругъ международной европейской жизни. Но такая жизнь есть въ сущности борьба за существованіе. Приходится отстаивать свое политическое бытіе, свой духовный обликъ. Орудія для борьбы у Россіи слабы. Чѣмъ борьба становится напряженнѣе, чѣмъ положеніе рискованнѣе, тѣмъ яснѣе сознаніе необходимости выработать и отыскать эти средства для самозащиты и нападенія. XVII вѣкъ вырабатываетъ это сознаніе, а Петръ Великій разрѣшаетъ и самую задачу. Но слабые проблески и этого сознанія, и самыхъ попытокъ можно найти уже и въ XVI-мъ столѣтіи. Вспомнимъ учрежденіе стрѣleckихъ полковъ, появленіе иноземнаго войска, нѣмецкой слободы Наливки въ городѣ Москвѣ, торговыя сношенія и съ Западомъ и съ Востокомъ, образовательныя попытки Годунова

Таковы тѣ основанія, по которымъ мы считаемъ возможнымъ грань между старой и новой Россіею искать на рубежѣ XV и XVI столѣтій. Повторяемъ, мы далеки отъ мысли умалять величавый обликъ и весь широкій размахъ эпохи Петровскихъ преобразованій, охотно видимъ въ XVII вѣкѣ ясно сознаванную потребность реформъ; но въ то же время въ интересахъ исторической перспективы считаемъ необходимымъ помнить, что уже XVI-е столѣтіе всецѣло намѣтило ту международную программу, которую послѣдующимъ вѣкамъ оставалось только развивать и

1) См. работы отца Павла Пирлинга, особенно послѣднія: *Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les slaves.* Paris 1887, и: *Papes et tsars (1547—1597).* Paris 1890. Кромѣ того: *О. И. Успенскій: Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ.* Спб. 1887.

неуклонно ей слѣдовать, — программу, ставшую источникомъ, первымъ побудительнымъ толчкомъ и самого преобразовательнаго движенія. Если эта программа, въ полномъ своемъ объемѣ не выполненная и по сіе время, остается для насъ священнымъ завѣтомъ старины, то мы остаемся въ историческомъ долгу не передъ Алексѣемъ Михайловичемъ, не передъ Петромъ Великимъ, а передъ послѣдними представителями Рюрикова дома.

Того же автора.

Замѣтка объ отношеніяхъ кіевскаго митрополита Евгенія къ Державину до личнаго знакомства съ поэтомъ. Спб. 1887.

Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Спб. 1888.

Библиографическій списокъ литературныхъ трудовъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. Выпускъ I. Спб. 1888.

О запискахъ Сильвестра Медвѣдева. Спб. 1889.

Петръ Великій въ русской литературѣ (опытъ историко-библиографическаго обзора). Спб. 1889.

Восьмой археологическій съѣздъ (9-го—24-го января 1890 года). Спб. 1890.

Извѣстія Джіованни Тедалди о Россіи временъ Ивана Грознаго. Спб. 1891.